

Хранитель берендеева царства

Медно-красное солнце выкатывается из-за иссиня-чёрной гребёнки леса. Его багровые, словно озябшие лучи скользят по густо-зелёным лапам елей. Останавливаются на сосенках. Эти стройные красавицы всегда какие-то радостные. Не хмурятся, как ели, прозрачна их крона. И вечно пышна изумрудная хвоя — и в трескучий мороз и в июльский зной. с. 27

Солнце поднимается выше. Ласковой становится в лесу. Всё бело-зелёное море искрится, переливается. А вокруг словно духи — тонкий букет замёрзшего дерева, хвои, коры, снега.

С солнцем оживает лес. Где-то в ещё тёмной чащобе уже пересвистывают синицы, удивлённо цокают жёлтенькие самки клестов. Проснулись и хлопотуньи-белки. Смотри, сколько на искрящейся опушке их замысловатых вензелей-поскоков. С утра пораньше вышли пушистые шубки на завтрак — клесты в сугробы набросали немало шишек... Вот оно, царство Берендея. По тропинке скользит лыжник. Сбивая с ёлочек-малышек снеговые шапки, он спешит вон к тем стройным деревьям, выстроившимся словно на параде. с. 28

— Смотри-ка, как вымахали! — вырвалось радостно, звонким эхом раскатилось в притихшем лесу.

А ведь ещё совсем недавно, лет десять тому назад, посадил он их здесь, маленьких, беспомощных. Теперь — деревца стройные, гордые. И не какая-нибудь это ель. Сама лиственница!

Когда потом, при встрече, я завёл разговор о лиственнице, о дереве, прочно вцепившемся в переславскую землю, Сергей Фёдорович Харитонов рассказал прямо-таки чудеса. Говорил тихо, как-то захватывающе:

— Лиственница — это, дорогой мой, легенда. Венецию знаете? На нашей русской лиственнице стоит. Да, да! Четыреста тысяч свай, и как каменные. Архангельск, Ленинград, Одесса, Волгоград... Тоже лиственничные сваи. А военные корабли? Из лиственницы наши предки их строили. Древесина у неё прочная, нетрескающаяся, в воде каменеет, почти не гниёт, очень гибкая и упругая. А растёт-то как! «Совершеннолетней» на 20 лет становится раньше сосны, ну а дуба — на целых полвека. Вот какая лиственница! Ну, и вывели почти её — дерево-то такое ценное. Вот я и занялся ей...

Начал Сергей Фёдорович с небольшого — с крохотных семечек. Выписал их из тех мест, где лиственница ещё сохранилась. Высеял на грядки и ждал, когда пробьются сквозь песчаное одеяло ярко-зелёные острые иголки. За сеянцами ходил сначала, как за грудными младенцами. Когда окрепли — дал волю. Нельзя же, чтобы они были неженками, не в пелёнках тёплых расти им, а под снегами и дождями, и ветер лихой будет трепать их нежные верхушки. Выстояли. И шумят они теперь, здороваются со своим отцом, старым лесоводом...

Харитонов скользит на широких лыжах дальше, пристально вглядываясь в каждое деревцо. И каждое из них — маленькая, но ёмкая страничка из его биографии — повести о борьбе человека за своего зелёного друга. Вот эта белоствольная берёзка, каких уже много разбрелось по свету. Даже на Кубе среди величественных пальм горделиво белеет русская берёзка!

Остановился перед ней Харитонов. Словно кровь запеклась на её ранах, нанесённых чьей-то злой рукой. Соковали весной. Из-за глотка сладковатой водички чуть не погубили.

Вырастить дерево — дело долгое, нелёгкое. Погубить его — одного взмаха топора хватит. И поднимает руку на зелёного друга тот, кто в жизни не вырастил ни одного деревца, не оставил на земле после себя зелёный, цветущий, приносящий людям радость след...

Чу! Нет, это не лось заломил ветку. Это с топором в лес пришёл человек. Снова скользят лыжи: не уйти от лесничего! (Летом лучше — по ему только известным тропкам ведёт он свой с. 29

мопед.) Короткое объяснение. Иной поймёт, что губить лес — преступление. А с другим — дело сложнее. Приходится иногда и власть употребить!

И снова в пути Харитонов. Забот на сегодняшний день много: посмотреть, правильно ли, как требует закон, идёт выборочная санитарная рубка, заглянуть в соснячок, поднимающийся к свету.

И непременно заглядывает к помощникам — лесникам. О делах поговорит, о новостях в лесной науке расскажет. И, конечно, спросит, как чувствуют себя яблони.

Яблони в лесу? А что тут особенного. Даёт же лес людям ягоды, грибы, орехи. Пусть и яблоки люди будут приносить в лукошках, сладкие, сочные, свои переславские.

Эту харитоновскую идею подхватили лесники. На своих лесных квадратах разыскивали они яблоньки-дикарки и прививали, прививали, прививали...

День на исходе. Но до отдыха далеко. Человека в форменной шинели и ушанке с перекрёщёнными дубовыми ветками ждёт приусадебный участок. Хоть и зима, а и здесь работы хоть отбавляй.

Это не обычный приусадебный участок. Ведь обычно перед домом овощи сажают, картошку. А тут... Чего-чего нет на этом участке земли! Это коллекция диковинок.

Услышав слово «диковинки», лесничий хитро улыбнулся.

— Диковинки, говорите? Вот вы летом приезжайте, посмотрите. Цветы люблю. Да и кто их не любит. Без них планета потеряет улыбку.

Я не забыл приглашение. И сразу попал в эту настоящую симфонию радости. Идём от грядки к грядке.

Вот казанлыкская роза. Несколько семечек получил из Болгарии. Растёт и на переславской земле. Собирается цвести. Рядом — ковёр, словно сотканный руками Василисы Премудрой. Какая радуга цветов, какое необычное сочетание рисунка! Варшавские тюльпаны. Набирают стрелы гладиолусы — тоже какие-то необыкновенные.

Ветерок гонит по саду алые лепестки. Харитонов поясняет — подарок немецких цветоводов, маки из Лейпцига. Потом лесничий показывает молоденькие каштаны, грецкие орехи. Обыкновенные и необыкновенные они. В них — соки не такой уж уютной для них переславской земли.

— А вот амурскому бархату, тоже чудесному растению, уже десяток лет стукнуло. Теперь цветёт, плодоносит и не подмерзает. Не один пот согнал он с меня. Посеял семена. В первый же год прирост дал 60 сантиметров — и подмёрз. Посадил снова, и снова вымерз. 6 лет боролся с морозом, и отступил-таки он от меня. Каждый год природа ставила мне двойку, но в конце концов я добился своего. Жёсткий отбор пошёл на пользу моему, теперь уже переславскому, бархату. Женьшень есть, аралия маньчжурская — занялся ими, этой настоящей аптекой на корню. Узнал я, так сказать, их «технологию». Оказывается, выращивать женьшень, например, не труднее, чем пионы из семян...

с. 31

Сидим, беседуем, пьём чай с привкусом каких-то неведомых трав. У Харитонova в висках серая метелица — память о бессонных ночах, когда он, Харитонов, по заданию Сергея Мироновича Кирова создавал первый в мире лесной музей; о героической защите Ленинграда; о тысячах гектаров посаженных лесов. Удивительно лучистые глаза светятся молодо, хотя за плечами шесть десятков лет.

Сергей Фёдорович вспоминает о том, как ему пришлось повоевать за лес с нерадивыми хозяйственниками. Говорит скупно.

Дополнили его рассказ в горсовете. Оказалось, что не без его, харитоновского, участия принято решение включить переславские леса в подмосковную курортно-оздоровительную зону. Это он отвоевал сосновый бор на берегах знаменитого Плещеева озера. По настоянию Харитонova здесь создаётся зелёная зона...

Годы идут, и человек, породнившийся с лесом, торопится. Он создаёт на земле, предоставленной ему Переславским городским Советом, парк-дендрарий. Здесь высажены все древесные и кустарниковые породы, произрастающие в ярославских лесах. Перекочевали сюда — чтобы все видели, чтобы школьники занимались — и харитоновские диковинки. Заметим, их, этих диковинок, немало — около 500 саженцев. Недаром исследователя связывает крепкая дружба с научными учреждениями Памира, Казахстана, Узбекистана, Якутии, Чехословакии.

Два человека, посвятившие себя раскрытию тайн природы — учёный и лесничий — решают одну проблему: сделать землю цветущим садом. Директор ботанического сада Карловского университета в Праге Вацлав Ирасек и лесовод из Переслава Сергей Фёдорович Харитонов стали друзьями, пока, правда, заочными.

— Много интересного прислали мои коллеги из Праги и Кошицы, — говорит лесничий. — Целый уголок чешской природы.

А потом Сергей Фёдорович достаёт объёмистую книгу на чешском языке — «Международный каталог ботанических садов», изданный в Праге. На одной из страниц жирно подчёркнуты слова. Я сразу понял, что речь идёт о коллекционном участке при Переславском лесхозе. Это — признание переславского испытателя.

Рядом с подарками чешских друзей коллекции растений из Польши, ГДР, из Москвы, Казахстана, Якутии, Узбекистана. И всё это для того, чтобы обогатить нашу ярославскую природу новыми растениями — полезными, красивыми, благоухающими.

Но самая большая гордость Харитонов не цветы, хотя они, как говорят в народе, «земной красоты начало». Главное для старого лесничего — лес и его частичка — дендрарий...

В парк-дендрарий весёлыми стайками приходят пионеры. Нет, не только, чтобы посмотреть на диковинки. Пионеры первой и второй переславских школ здесь хозяева. Это они вместе с Харитоновым и бригадой коммунистического труда одного из переславских предприятий заложили молодой яблоневый сад на 1,5 гектарах, плантации черноплодной рябины и чёрной смородины. Это они вырастили рука об руку с лесоводом 25 тысяч сеянцев сибирского кедра, 20 тысяч чёрной смородины, 2 тысячи сеянцев маньчжурского ореха. В саду выращено 25 тысяч подвоев яблони, привито культурными сортами 5 тысяч молодых деревьев.

Посадить дерево не так уж трудно — на помощь пришла техника. Выходить его куда сложнее. А новых лесов с каждым годом становится всё больше и больше. За последние годы только в Переславском лесничестве посажены миллионы саженцев!

Долго им расти. Дереву, чтобы стать телефонным столбом, предстоит прожить 70—80 лет. Значит, надо хранить леса, которые есть, надо разумно использовать древесину.

И сейчас у Харитонova большая забота: надо добиться разумного использования отходов. Их сейчас часто сжигают. А это — ценнейшее сырьё для химической и бумажной промышленности. Расходы на переработку отходов не велики. Изобретать ничего не надо: ещё в 1939 году ленинградские лесорубы прямо в лесу делали полуфабрикат для производства обёрточной бумаги, картона.

Или «проблема» сосновой хвои. Ещё мало перерабатывают её. А это же настоящий клад ценнейших препаратов.

И старый лесничий ратует за использование дерева от корней до макушки.

...Стоят раскидистые ели, ровные, как стрелы, лиственницы, могучие дубы. Каждый день приходит к ним в берендеевские чащи Сергей Фёдорович Харитонов, заслуженный лесовод республики.

Постоит, оглянет внимательным глазом, сделает заметки в блокноте. И радостно становится на душе человека: растёт лес на радость людям! Хорошее наследство оставляет он им, своим внукам и правнукам.